

**«ЧТО Я МОГУ ЗНАТЬ?»:
ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСОВ
О ПРОШЛОМ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (конец 1940-х – 1980-е годы)**

В статье рассмотрен процесс формирования и конкуренции разных дискурсов о довоенном прошлом нового советского края, ставшего в 1946 г. Калининградской областью. Показано, как почти тотальное господство официального дискурса, отличающегося табуированием и искажением региональной истории, было поколеблено альтернативным дискурсом, который проявился в публичном пространстве во второй половине 1960-х гг., затем развивался в различных сообществах вплоть до победы над официозом в годы Перестройки.

Ключевые слова: Калининградская область, Восточная Пруссия, Кёнигсберг, дискурс о прошлом, Перестройка.

Об авторе: Дементьев Илья Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 236022, Калининград, ул. Чернышевского, 56а. idementi@mail.ru.

Вопрос Иммануила Канта, сформулированный в «Критике чистого разума» наряду с другими главными вопросами философии («Что я должен делать?» и «На что я смею надеяться?»), относится к границам возможного в нашем познании действительности. Однако в специфической калининградской ситуации советского периода он может быть переистолкован как вопрос о границах осведомленности по поводу прошлого самого западного российского региона¹.

¹ Здесь и далее под прошлым Калининградской области *mutatis mutandis* будет пониматься период, предшествующий ее появлению, то есть история региона до 1945 г. (хотя с ходом времени область обзаводилась собственным «прошлым» – советской историей). В центре внимания настоящей статьи,

Присоединенная по итогам Второй мировой войны к СССР бывшая северная часть немецкой провинции Восточная Пруссия получила название Калининградской области и была заселена новыми жителями, не имевшими генеалогической связи с прежним населением².

Тотальная смена населения привела к тому, что регион с оставшейся архитектурой (в значительной степени, впрочем, разрушенной в ходе боевых действий), историко-культурным ландшафтом, особым языком символического пространства стал новой родиной для переселенцев из западных областей России, а также из Белоруссии и Украины. Миграционные процессы не прекращались в течение всего советского периода, но отсутствие немцев в регионе поставило перед новыми жителями задачу освоения чуждого для них символического пространства. Переселенцы видели таблички с готическими надписями, кирпичи и иные сооружения непривычных архитектурных форм, они пользовались чужими предметами быта, вынуждены были осваивать инфраструктуру городского хозяйства и дренажные системы на селе – новый жизненный уклад резко контрастировал с тем, к которому привыкли эти люди. После депортации немцев, которой предшествовало накопление уникального опыта повседневного сосуществования людей разных культур, область была закрыта для доступа иностранцев вплоть до 1991 г.³

однако, будут преимущественно вопросы интерпретации калининградцами довоенной истории.

² Жители Восточной Пруссии, выжившие во время войны и пережившие первые послевоенные годы, были депортированы в Германию в течение 1946 – 1948 гг. Процесс заселения все-сторонне исследован в работе: *Костяшов Ю.В.* 2009.

³ За редкими исключениями: область могли посещать граждане Польской Народной Республики в рамках обменов; в годы Перестройки некоторые граждане западных стран также получили полужурегальную возможность приехать в закрытую зону.

Официальные установки по отношению к прошлому Восточной Пруссии в общих чертах оставались неизменными на протяжении всего советского времени. Они транслировались через каналы, находившиеся под контролем государственных институтов пропаганды: средства массовой информации, школы и вузы, музеи, библиотеки, архивные учреждения, квазиобщественные организации просветительского характера; кроме того, официальный дискурс утверждался творческими средствами – через региональную литературу, театр и живопись. Контроль над соответствием публично артикулируемых идей официальному дискурсу осуществлялся с помощью как самоцензуры, так и внешних институтов (работа КГБ и Обллита – Управления по охране государственных тайн в печати). В историографии нередко встречается тезис о том, что в советский период (вплоть до начала Перестройки) научное изучение и публичное обсуждение довоенной (а в ряде аспектов и послевоенной) истории края были ограничены жесткими идеологическими установками и цензурой. Однако современные исследования показывают, что такая оценка верна разве что в отношении периода конца 1940-х – начала 1960-х годов⁴.

Ретроспективно советский период можно описать через синхронно идущие процессы постепенного ослабления официального дискурса об истории края и усиления альтернативного дискурса. Само понятие «советский период», несомненно, носит идеально-типический характер и теряет релевантность при анализе исторического опыта нескольких поколений калининградцев.

Можно выделить три этапа в формировании дискурсов о прошлом в Калининградской области:

⁴ См. об этом подробнее: *Sezneva O.* 2005; *Костяшов Ю.В.* 2009; *Дементьев И.О.* 2012.

1. Советизация региона и доминирование официального дискурса о прошлом (конец 1940-х – конец 1960-х гг.).
2. Ограниченная конкуренция дискурсов о прошлом (конец 1960-х – первая половина 1980-х гг.).
3. Усиление альтернативного дискурса и реабилитация довоенного прошлого (вторая половина 1980-х гг.).

Сложившийся на *первом этапе* официальный дискурс представлял собой причудливое сочетание умолчаний (табу на исследование истории города Кёнигсберга и области в целом) и искажений (метафорический язык, применяемый для описания этого прошлого, который включал штампы наподобие «гнездо прусского милитаризма», «гнездо самой черной реакции и средневекового варварства», «змеиное гнездо прусских милитаристов» и др.).

Распространение взгляда не невысокую ценность немецкого культурного наследия происходило на общем фоне послевоенной разрухи, царившей в городе после бомбардировок 1944 г. и штурма апреля 1945 г. Поначалу, пока судьба региона была неопределенной, продолжались разграбление и вывоз имущества, так что погибло значительное число культурных ценностей. Филолог Леонид Аринштейн, участвовавший в штурме, вспоминал: «Мы пошли к собору – там, неподалеку, – собор был абсолютно целый и еще не горел, к могиле Канта, и потом мне почему-то очень хотелось попасть в университет, и мы пошли к университету. Университет настолько был целый и еще настолько не было пожара, что во дворе (уже кто-то, видимо, там шуровал) выбросили огромное количество всяких книг, и они (бумага!) не горели, а просто лежали кучами. И я стал разбирать эти книги, думал, что вот как бы хорошо было себе их взять. Одна книга была – я почему-то хорошо помню – Ницше, “Так говорил Заратустра”. И я ее даже взял с собой, но потом все-таки не стал таскать,

выбросил»⁵. В первые послевоенные годы общее нигилистическое отношение к немецким культурным ценностям утверждалось, невзирая на естественное любопытство людей, столкнувшихся с непривычными архитектурными формами.

Немногочисленные попытки свободного от идеологем обращения к прошлому в конце 1940-х – начале 1950-х гг. исследованы Ю.В. Костяшовым. Он показал, что эти попытки либо быстро пресекались (преподавательница КГПИ А.В. Мельникова выступила с инициативой курса по истории Кёнигсберга и была отстранена от преподавания, после чего уехала из области), либо имели ограниченное влияние на общественное мнение (частное письмо «гражданина Любимова» о необходимости спасения могилы Канта запустило административный механизм по оформлению статуса памятника для захоронения)⁶. «Преклонение перед немецким» строго осуждалось, особенно в контексте кампании по борьбе с космополитизмом и низкопоклонством в конце 1940-х⁷.

Однако было бы некорректным отождествлять официальный дискурс с нигилистическим отношением или тотальной репрессией. Границы репрезентации прошлого были несколько шире, чем может показаться. Это демонстрирует художественная литература социалистического реализма, в рамках которой ставились и решались проблемы взаимодействия с неудобным прошлым.

⁵ Аринштейн Л.М. 2008. 81-82.

⁶ См. об этом: Костяшов Ю.В. 2009. 29-30, 42-45.

⁷ «Некоторые наши товарищи преклоняются перед всем немецким, восхищаются каждой мелочью», – возмущался секретарь обкома ВКП(б) по кадрам на собрании областного комсомольского актива в сентябре 1947 г. И далее: «Преклонение перед немецким неизбежно приводит к потере бдительности, так необходимой в наших условиях». Цит. по: Ржевский В. 2006. 21-22.

Роман Фёдора Ведына «Город – будет!» (1953)⁸ рисует картину послевоенного восстановления края. Автор исходит из существования как бы двух прошлых – давнего («древняя славянская земля», своеобразный плюсквамперфект) и недавнего (ассоциируемого преимущественно с фашистами). Характерно, что описания «чужого» немецкого наследия в романе приобретают некоторую двусмысленность: в соответствии с классовым подходом, противопоставлялись «два Кёнигсберга», город трудящихся («хороших немцев») и город буржуазии и фашистов («плохих немцев»)⁹. Писатель устами персонажей констатировал, что в прошлом в центральной части Кёнигсберга было «красиво, уютно и богато»¹⁰. Такой взгляд несколько дисгармонировал с утвердившейся тенденцией «вычеркивать всякие упоминания о Восточной Пруссии и ее бывших хозяевах»¹¹, но, конечно, отражал

⁸ Ведин Ф.И. 1953. Ранняя редакция романа под названием «Золотая жила» опубликована в альманахе «Калининград» в 1951 г. См. подробнее об образах прошлого Восточной Пруссии в литературе соцреализма: Дементьев И.О. 2013.

⁹ К «хорошим немцам» относились прогрессивные деятели немецкой культуры, включая, разумеется, И. Канта и Ф. Шиллера. Памятник последнему (1910 г.) чудом уцелел в послевоенном Кёнигсберге – Калининграде. В поздней автобиографической повести Юрий Иванов передавал юношеские впечатления от только что взятого города. Один из персонажей говорит с удивлением, увидев памятник Шиллеру: «Послушай, как это понять? Политрук нам долдонил: немцы – не люди, нет у них никакой культуры. Трепался, что они сбросили с пьедесталов всех своих писателей и поэтов, но вот ведь – не Гитлер, а стоит!?» (Иванов Ю.Н. 2006. 41).

¹⁰ Ведин Ф.И. 1953.

¹¹ Костяшов Ю.В. 2009. 29. В отношении газет и радиопередач, как показывает исследователь, цензура действовала решительнее, убирая «любые сведения или высказывания, в положительном ключе характеризующие немецкое прошлое края». Костяшов Ю.В. 2009. 28.

официальную установку о том, что *история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов*.

Однако следов существования альтернативного дискурса о прошлом в первые годы после войны практически нет: это связано и со спецификой исторической ситуации (психоэмоциональным фоном процесса освоения области), и с особенностями имеющихся в нашем распоряжении источников. Официальные документы почти не дают сведений о реализации естественного для человека интереса к прошлому своей земли, а источников личного происхождения пока выявлено недостаточно.

Таким образом, вопрос «Что я могу знать?» приобретает и историко-эпистемологический характер для исследователя: как реконструировать мысли и чувства, которые вызывала запрещенная история у рядовых жителей нового советского края? Материалы устной истории пока говорят о том, что в целом новые жители разделяли официальные установки по отношению к наследию¹².

Картина регионального исторического сознания стала постепенно терять свою монохромность в период «оттепели». Безопасное обращение к довоенной истории было возможным прежде всего в контексте разоблачения преступлений фашизма. Одним из поводов для экскурса была судьба Янтарной комнаты, описанная в очерке В. Дмитриева (1960 г.). В тексте присутствует знакомая метафорика («плацдарм для разбойничьих набегов»¹³), типичным было описание ревитализации территории: «Пустынна была эта земля» после войны, но «по зову партии и правительства»¹⁴ сотни тысяч

¹² *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев*. 2002; *Односельчане: народная повесть*. 2006.

¹³ *Дмитриев В.* 1960. 10.

¹⁴ *Дмитриев В.* 1960. 11. Любопытна аллюзия на библейское «Земля же была безвидна и пуста» (Быт. 1:2), хотя образ горо-

трудящихся переселились в разоренный край. Разоблачая выдумки нацистских историков, автор ссылается на результаты работы советских археологов 1948 – 1952 гг., которые убедительно доказали, что поселения здесь принадлежали не готам, а «балтославянским племенам»¹⁵.

Однако через внешне лояльный Советской власти нарратив автор доносил до читателей отдельные факты по довоенной истории: прежние название улиц, сведения об истории университета и города в целом¹⁶. Автор описывал приезд в 1949 г. консультанта из ГДР Гергарда Штрауса, бывшего кёнигсбержца, который рассказал о городе, зафиксировав основные элементы дозволенной версии довоенной истории: основание замка в 1255 г., начало строительства Кафедрального собора в 1325 г., открытие университета в 1544 г., визиты Петра I, «блестящие победы русского оружия» во время Семилетней войны (и посещение города А.В. Суворовым), транспортировка газеты «Искра» при помощи германской социал-демократии (и судебный процесс 1904 г.).

Нарратив допускал даже эксплицитные похвалы довоенной культуре: «Кёнигсбергский университет, сожженный английской бомбардировочной авиацией в сентябре 1944 г., представлял собой один из ценнейших памятников национальной немецкой культуры»¹⁷, в котором работали выдающиеся ученые – И. Кант, К. Донелайтис, И.Г. Гердер, Ф.В. Бессель и др. Среди россиян, посетивших в прошлом Кёнигсберг, указывались А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.В. Маяковский. «Хорошее» немецкое прошлое в этом

да, пусть даже в значительной части разрушенного, едва ли вызывает ассоциации с пустыней.

¹⁵ *Дмитриев В.* 1960. 32. О трудном положении, в котором оказались советские археологи в Калининградской области, см.: *Костяшов Ю.В.* 2009. 22-24.

¹⁶ *Дмитриев В.* 1960. 25, 26, 51.

¹⁷ *Дмитриев В.* 1960. 54.

нарративе связывалось с прогрессивной национальной культурой и революционными традициями; «плохое» – преимущественно с нацизмом.

Противопоставление старого Кёнигсберга новому Калининграду приписано в тексте и другому немцу, Рудольфу Рингелю, посетившему город в 1959 г.: «Это не тот город, который я знал... В моей памяти остались руины, темные, мрачные дома, завалы, иногда освещаемые заревом пожарищ, испуганные люди. А сейчас все цветет, толпы жизнерадостных советских граждан на улицах, обилие движения, везде проявление жизни»¹⁸. Выразительным был изобразительный ряд, представленный в приложениях к книге: фотографии руин Кафедрального собора и замка, могилы Канта, жилых кварталов¹⁹.

Противопоставление «хорошего» и «плохого» прошлого калининградской земли воспроизводилось и в других публикациях 1960-х гг., в том числе центральных. Авторы последних, кстати, могли себе позволить быть свободнее калининградцев в обращении к немецкому периоду истории нового советского города. Так, например, Софья Пророкова, автор биографии Кэте Кольвиц в

¹⁸ Дмитриев В. 1960. 66.

¹⁹ Еще и в 1976 г. в фотоальбоме, показывающем памятники и памятные места Калининградской области, ряд изображений немецких объектов был строго ограничен: башня «Дона» (с красным знаменем Победы) и мемориал «Пятый форт – место массового героизма советских воинов», могила И. Канта и памятник Ф. Шиллеру в областном центре, памятник в честь сражения под Прейсиш-Эйлау в Багратионовске, могила генерал-майора Н.Н. Мазовского в Правдинске, памятник М.Б. Барклаю де Толли в пос. Нагорное. См.: *С чем связаны память и жизнь: о памятниках и памятных местах Калининградской области*. 1976. Таким образом, скудный канон довоенного исторического наследия включал места памяти, связанные либо с историей русского (советского) оружия, либо с прогрессивной немецкой культурой.

популярной серии «Жизнь замечательных людей» (1967 г.), подробно описала жизнь семьи великой художницы в Кёнигсберге второй половины XIX в.²⁰

Немецкий историк Берт Хоппе выдвинул гипотезу о том, что оживление интереса к немецкому наследию по крайней мере начиная с «оттепели» 1950-х гг. было невольно спровоцировано центральными властями, долгое время имитировавшими заботу о населении Калининградской области. Довольно быстро «навязанная сверху борьба против “враждебного” немецкого прошлого лишилась общественной поддержки»²¹. «Чувство, что Москва оставила Калининград один на один с проблемами, нашло свое отражение в идентификации новых жителей Калининграда с городом: оставшиеся с немецких времен строения рассматривались ими теперь как достойные быть сохранёнными приметы региональной особенности»²². В таком контексте постепенно растущие симпатии к немецкому наследию предстают своеобразным местным протестом против центральной власти, приобретшим культурные формы в отсутствие легальных возможностей политической борьбы²³.

Ярким примером зреющего конфликта между властью и обществом стали разгоревшиеся во второй половине 1960-х гг. дискуссии о судьбе руин замка Кёнигсберг²⁴ (в обиходе называвшегося Королевским замком).

²⁰ Пророкова С. 1967.

²¹ Хоппе Б. 2005а. 199.

²² Хоппе Б. 2005б. 85.

²³ Культурная память как опыт Иного — средство борьбы не только против тоталитаризма, но и против одномерности, подчеркивает Я. Ассман (Ассман Я. 2004. 91).

²⁴ Замок, который в обиходе назывался Королевским, был воспет Иосифом Бродским в знаменитом стихотворении «Открытка из города К.» (1968?): «Вода дробит в зеркале пасмурном руины дворца Курфюрста; и, небось, теперь пророче-

В 1964 г. на совещании горисполкома и местного отделения Союза архитекторов развернулись дебаты: одни выступали за снос руин замка, другие — за сохранение и восстановление здания с целью последующей организации музея. Последние апеллировали к Министерству культуры РСФСР, которое неожиданно поддержало идею реконструкции с включением сохранившихся частей (башни и «Зала московитов») в современную городскую застройку²⁵. Несмотря на это, городские власти инициировали новые решения по сносу руин, что вызвало следующий виток дискуссий в профессиональном сообществе. Документы, хранящиеся в фондах ГАКО, показывают, что к 1965 г. сложился круг архитекторов, готовых защищать свою позицию. В сентябре того же года председатель Калининградского отделения Союза архитекторов СССР В. Еремеев направил телеграмму в Минкультуры РСФСР с просьбой принять срочные меры против готовящегося сноса замка²⁶.

Однако проблема быстро вышла за рамки профессионального сообщества. Неожиданно для властей начались выступления разных людей в защиту уникального памятника истории Пруссии и российско-германских отношений. «Три письма на одну тему» появились в центральной «Литературной газете» 30 сентября 1965 г. Вместе с архитектором В. Еремеевым письмо подписали писатель В. Ерашов и участник штурма Кёнигсберга Г. Зуев. «Вот уже пять лет общественность Калининграда ведет борьбу за сохранение архитектурного и исторического памятника

ствам реки он больше внимлет, чем в те самоуверенные дни, когда курфюрст его отгрохал».

²⁵ См. об этом подробнее: *Клемешева М.А.* 2000.

²⁶ Польский историк А. Саксон полагает, что оживление споров о судьбе замка было связано с хрущевской десталинизацией и демонстрационным эффектом от визитов архитекторов в соседнюю Польшу. См.: *Sakson A.* 2011. 313-314.

бывшего Королевского замка», – писали авторы письма²⁷. Здесь обращают на себя внимание прежде всего апелляции к *общественности* и акцент на слове *борьба*. Писатель В.П. Ерашов в разговоре с первым секретарем обкома Н.С. Коноваловым прямо противопоставил власть и общество (народ): «*Коновалов*: Все планы застройки города решаются коллективно... *Ерашов*: ...но без участия общественности. Если бы с народом посоветовались – не было бы подобного безобразия...»²⁸

Так к середине 1960-х гг. в жизни региона появился новый субъект (общественность), который, по сути, вступил в борьбу с властью. Привычная для сороковых годов картина мобилизации трудящихся силами «партии и правительства» канула в лету.

В ЦК КПСС были направлены письма от граждан, включая обращение студентов местного пединститута с 400 подписями. Кульминацией этих событий стало заседание Клуба творческой интеллигенции в конце 1965 г., на котором писатель Сергей Снегов провозгласил лозунг «Искусство принадлежит народу» (а не партии)²⁹. Однако областные и городские власти уже приняли другое – печальное для судьбы замка – решение, и в 1968 г. после тщательной подготовки начались взрывные работы.

Стратегии 1960-х годов, апробированные интеллигенцией, включали использование публикаций в прессе и написание коллективных писем, а также открытые собрания: альтернативный дискурс начал борьбу с официальным уже в публичном поле³⁰.

²⁷ Цит. по: Клемешева М.А. 2000. 186.

²⁸ Цит. по: Сухова С. 1990. 7.

²⁹ См. подробнее: Норре В. 2000. 143.

³⁰ О том же пишет П. Бродерзен, указавший, что отношение к немецкому наследию было противоречивым и зависело от политического климата в СССР. Альтернатива официальному «замороженному» канону формировалась постепенно – через

Конечно, силы сторон были изначально неравными, однако сам факт постепенного конституирования общественности вокруг темы охраны культурного наследия неоспорим.

Ольга Сезнева, американский социолог русского происхождения, одной из первых обратилась к теме повседневных практик, посредством которых любознательные калининградцы реализовывали свой интерес к прошлому края. Одни (как краевед А.Б. Губин) реализовывали свой подпольный интерес к истории, находясь вне истеблишмента; другие (как А.П. Овсянов) делали то же самое, занимая официальные должности. Первоначально О. Сезнева предполагала абсолютное расхождение между официальным и неофициальным историческими нарративами в советском Калининграде, которое позволяло бы описывать отношения между ними в терминах репрессии и сопротивления. Однако изучение свидетельств, собранных в ходе интервью в Калининграде в начале 2000-х гг., показало, что границы между этими нарративами не были совершенно непроницаемыми.

Собеседники рассказывали исследователю, как на рубеже 1970-1980-х гг. они ходили в краеведческий музей³¹ за информацией, тайком использовали аппаратуру в конструкторском бюро и даже фотолабораторию в редакции партийной газеты «Калининградская правда» для копирования фотографий и карт старого Кёнигсберга. Таким образом, заключает исследователь, как ни парадоксально, но именно

публикации прессы, деятельность музея и отдельных краеведов. См., в частности: *Brodersen P.* 2008. 241.

³¹ Краеведческий музей в Калининграде в основном экспонировал объекты времени Второй мировой войны и послевоенной истории области. Довоенной истории — от древнейших времен до первой половины XX века — был посвящен один зал. Разумеется, акценты в экспозиции были сделаны на тех же сюжетах: археологические находки доорденского периода, слава русского оружия, прогрессивная немецкая культура.

«принадлежащие государству и подконтрольные ему ресурсы (музей, архив, копировальный аппарат) были основными для производства “контр”-нарратива, который находился в крайней зависимости от государственных учреждений»³². О. Сезнева ссылается на свидетельство отставного офицера КГБ о том, что сотрудники его ведомства прекрасно знали об этой деятельности, но никого не преследовали, предпочитая прямым репрессиям более тонкую стратегию – удерживать людей в страхе. В случае повышенной активности лиц, интересовавшихся немецким прошлым, в профилактических целях «вызывали на ковер». Таким образом, власть перешла от репрессивной политики к политике сдерживания.

Еще одну особенность внутренне противоречивой стратегии властей выделил американский исследователь Д.К. Бриджес. Он показал, что на рубеже 1950 – 1960-х гг. власть пыталась представить советских граждан как «более культурных» людей – в результате обнажилось противоречие между высокой культурой в теории и разрушением памятников на практике. В истории с замком и, далее, в 1970-х гг. проявилось отсутствие единства внутри самой власти: некоторые «просвещенные бюрократы» (председатель горисполкома В. Денисов) разными способами спасали немецкие памятники. Так усилия снизу по сохранению остатков немецкого наследия стали «низовой формой диссидентства в годы Брежнева»³³.

Границей между первыми двумя этапами в истории регионального дискурса о прошлом стали дебаты вокруг судьбы Кёнигсбергского замка, конституировавшие нового субъекта – общественность. *Второй этап*, выпадающий на конец 1960-х – начало 1980-х гг., стал временем постепенного утверждения

³² Sezneva O. 2005. 199-200.

³³ Bridges D.K. 2008. 299.

альтернативного взгляда на историю региона. Этот взгляд реализовывался через вполне официальные инстанции, но со временем стал опираться также на характерные для позднесоветского времени институты – неформальные группы и самиздат. Столкновение официального дискурса и зарождающегося альтернативного дискурса об истории, которое приходится на это время, позволяет проследить определенные перемены в общественном сознании. Именно эти перемены подготовили феноменальный успех исторической тематики в Калининградской области в годы Перестройки.

Сложность понимания этих процессов во многом обусловлена тем, что властный дискурс обычно был обезличенным. Его носителями выступали люди, вовлеченные в работу государственной машины, так что трудно выявить степень их личной причастности к формированию официоза³⁴. Мемуарные источники раскрывают некоторые случаи проявления нелояльности наделенных властью лиц. Таков, например, случай театра кукол, разместившегося в бывшей кирхе памяти королевы Луизы в Калининграде. Архитектор Ю. Ваганов вспоминал о том, какими хитростями в начале 1970-х гг. директору института «Калининградгражданпроект» И.А. Грабову удалось добиться от руководства решения о

³⁴ Это, кстати, типичная черта советского политического дискурса в целом. Патрик Серио, написавший о нем классическую работу, задается аналогичными вопросами, сопоставляя тексты докладов Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева: кто «автор» и кто «субъект» высказывания в докладе? Очевидно, что Хрущёв и Брежнев – не авторы, они лишь «передатчики дискурса», глашатаи некоего «коллективного говорящего». Но кто этот «говорящий» – ЦК? Вся партия? Аппарат? Редакторская команда? См.: *Sériot P.* 1985. 70. Точно так же и в случае реализации запретов на обсуждение довоенной истории края трудно отделить требования дискурса от личных позиций облеченных властью людей.

восстановлении здания кирхи вместо запланированного сноса: последний на свой страх и риск занизил в три раза смету на реконструкцию против бюджета новостроя³⁵. Множество подобных случаев показывает границы влияния официального дискурса, которые в 1970-е гг. заметно сузились по сравнению с 1940-ми.

В отличие от официального дискурса альтернативные дискурсивные стратегии всегда лично окрашены. Они реализуются в поступках, в действиях конкретных людей, дерзко бросающих вызов установленным властью ограничениям. Реконструкция типичных стратегий, выявление казусов, демонстрирующих степень расширения пространства возможных действий в Калининградской области конца 1960-х – начала 1980-х гг., остается актуальной исследовательской задачей.

Движение за реабилитацию довоенного прошлого обнаружило свою состоятельность там, где индивидуальный выбор и инициатива совпали по вектору с профессиональными интересами. Можно выделить несколько групп, выступивших в авангарде этого движения. Прежде всего это были архитекторы, чей вкус формировался на возвышенных образцах отечественного и европейского зодчества. Они стали первой профессиональной группой, готовой к творческому освоению и охране немецкого культурного наследия³⁶.

Городская среда, в которой жили калининградцы, стала преобразаться именно в семидесятые годы.

³⁵ См. об этом сюжете в контексте градостроительной истории Калининграда: *Podehl M.* 2010. 454.

³⁶ Понимание эстетических достоинств довоенного зодчества было присуще архитекторам и раньше. Так, Л.В. Черкасова вспоминает, как в середине 1950-х гг. по заданию партийных органов бесплатно проектировала краеведческий музей в здании бывшей биржи в Калининграде, но в силу недостатка средств и последующего начала типового строительства проект остался нереализованным. См.: *Митина Е.С.* 2011. 189.

Массовое строительство панельных зданий было дополнено точечным восстановлением зданий довоенной постройки. В 1970-е гг. это были музей янтаря (бастион «Дона»), упоминавшийся театр кукол (церковь памяти королевы Луизы), органнй зал (церковь Святого Семейства), в 1980-е гг. – областной краеведческий музей (Штадтхалле). Восстановление этих объектов происходило в условиях сложной борьбы между разными структурами. В официальных публикациях прессы о реконструкции зданий объекты немецкого наследия не изображались, а их «национальная» принадлежность не упоминалась. Вместо того использовались различные эвфемизмы – «старое здание»³⁷ или даже «здание оригинальное»³⁸. Однако многие советские архитекторы понимали восстановление чудом уцелевших памятников довоенной архитектуры с сохранением их внешнего облика как профессиональный долг.

Стремление властей придать городу более привлекательный облик за счет игры с довоенным наследием отвечало запросам рядовых калининградцев – той самой *общественности*, которая так неожиданно оформилась в предыдущем десятилетии. Например, в 1970 г. в комсомольской многотиражке было опубликовано письмо студентки Московского государственного университета с непривычно романтическим названием «Единственный титул благородства». Текст выражал чувства нового

³⁷ Например, «Начались работы и по реконструкции старого здания в парке им. Калинина под кукольный театр» (Калининградский комсомолец. 1971. 21 апр.); об органном зале без упоминания слова *кирха* или даже *церковь*: «Старое культовое здание постройки второй половины XIX века» (Калининградский комсомолец. 1980. 21 декабря). «Старый» – наиболее часто встречающийся эвфемизм.

³⁸ О церкви памяти королевы Луизы. См.: Калининградский комсомолец. 1971. 21 ноября.

поколения, постепенно освобождающегося от черно-белого восприятия немецкого прошлого. «Если пройти по Калининграду, – делилась переживаниями студентка, – можно увидеть дома, построенные давным-давно, несколько столетий назад, а рядом – современные жилые кварталы, выросшие на руинах, определяющие калининградское сегодня. И всегда бывает приятно узнать, что дом, в котором живешь, чем-то примечателен: или он самый высокий в городе, или про него говорят, что это дом с зелеными балконами, или его фасад украшает аппликация мозаики». Когда в городе появляются «однотипные серые коробки домов, становится страшно за душу человека, в которую тоже незаметно просачивается серость». Автор выдвигал и конкретные предложения: «Много в Калининграде старых зданий, которые можно разумно использовать. Это и кирха в парке культуры имени Калинина, ее собираются переоборудовать под детский кукольный театр, и здание теперешнего склада “Ростекстильторга”, его можно превратить, вероятно, во Дворец спорта»³⁹.

Через полгода в материале журналистки Р. Минаковой осторожно пересказывались отзывы гостей Калининграда: восхищение зеленым нарядом «и всегда об архитектуре – серовато, мрачновато, безлико. “Что у вас, архитекторов, что ли, нет?”»⁴⁰ Несмотря на все усилия цензуры, простые слова, выражавшие обычные чувства людей, желающих жить в красивом городе, незаметно прорывались в публичное пространство. Ответом им послужила работа калининградских архитекторов.

Второй профессиональной группой, выступившей транслятором альтернативного дискурса о прошлом, стала университетская интеллигенция. Жесткий идеологический контроль над исторической специальностью в КГУ (после некоторого перерыва

³⁹ Самсонова А. 1970.

⁴⁰ Минакова Р. 1970.

специальность «История» вновь появилась в 1974 г.) не позволял развернуть под эгидой вуза полноценное изучение истории региона. Если обратиться к тематике дипломных работ студентов-историков, то можно обнаружить, что изучение местной проблематики было ограничено послевоенным периодом. Неофициальный запрет на восточнопрусскую тематику вплоть до Перестройки сохранялся на уровне работ не только студентов, но и их преподавателей.

Однако реабилитация истории Восточной Пруссии в университете все же происходила, правда, полуподпольным образом и за счет усилий других специалистов. Сама принадлежность к высшей школе обуславливала повышенный интерес к прошлому прославленной Альбертины – Кёнигсбергского университета, который вел свою хронику с 1544 г. Этот интерес смог снять противоречия между «физиками» и «лириками». С 1970 г. на физико-математическом факультете КГУ работал К.К. Лавринович (1941 – 2002), собиравший в течение многих лет материалы по истории края. Его перу принадлежит первая в России научная биография Ф.В. Бесселя, в которой наряду с биографическим материалом содержался краткий очерк истории Кёнигсберга (проиллюстрированный изображением старого города) и университета⁴¹. По воспоминаниям К.К. Лавриновича, в середине 1970-х гг. на физмате была организована «первая скромная выставка» о кёнигсбергских математиках, материалы для которой предоставил доцент кафедры математического анализа А.Н. Хованский (1916 – 1996 гг.), потомок старинного княжеского рода⁴².

Другим фронтом, на котором разворачивались *бои за историю* местного значения, оказался естественный факультет КГУ: краеведческая тематика здесь требовала междисциплинарного подхода, обращения и к истории,

⁴¹ Лавринович К.К. 1989. 43-105.

⁴² Лавринович К.К. 1999. 8-9.

и к географии. Интерес к истории формирования ландшафтов Калининграда и области в целом неизбежно приводил ученых к исследованию немецкого контекста. В 1970 г. невинная с виду деятельность исследователей попала в фокус внимания компетентных органов: В.Д. Ваулина и И.И. Козлович представили статью к публикации в сборнике трудов «Вопросы географии», приуроченном к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина⁴³. При согласовании рукописи в Обллите цензор по согласованию с ответственным лицом в обкоме партии вернул сборник университету «для переработки и исправления». Констатировалось, что «в некоторых статьях положительно характеризовалась деятельность немцев при строительстве Кенигсберга и умалчивалась или искажалась грандиозная роль советских людей по восстановлению и развитию города Калининграда и других городов области»⁴⁴. Благодаря тексту справки, направленной в обком в феврале 1972 г., можно реконструировать официозную дискурсивную стратегию в отношении языка для описания прошлого.

Претензии цензора сводились к следующему: «В статье Ваулиной В.Д. и Козлович В.И. (*sic!*) “К ландшафтной характеристике города Калининграда” подробно описывалась история Кенигсберга и искажалась действительность о новом городе – Калининграде. Вот что писали авторы о Кенигсберге: “К началу XX века город сложился в своих современных территориальных границах. С экономической точки зрения он сформировался как крупный торговый порт Балтики, центр целлюлозно-бумажной, пищевой и судостроительной промышленности”. А вот что представляет, по мнению авторов, современный Калининград: “Город имеет радиально-кольцевую планировку. Его характерной особенностью является беспорядочное размещение

⁴³ Ваулина В.Д., Козлович И.И. 1970. 120-142.

⁴⁴ ГАКО. Ф. 232. Оп. 6. Д. 45. Л. 26.

промышленных предприятий, отсутствие функционального зонирования, неравномерная плотность застройки и озеленения, наличие «свободных земель» в центре (следы военных разрушений)”. И далее: “На возникших после второй мировой войны пустырях доминирует рудеральная растительность, сложная по видовому составу и, по-видимому, сходная с той, что описана Р. Вебером для подобных же территорий в ФРГ” (Вебер – географ ФРГ)»⁴⁵.

Авторы были вынуждены существенно переработать текст: подробно описав формирование рельефа города в дочетвертичном и ледниковом периодах, они использовали эвфемизмы для характеристики немецкого периода. «Последний (современный) этап формирования рельефа города начался с момента поселения человека на территории города. За счет его хозяйственной деятельности рельеф претерпел значительные изменения. <...> Сильно изменен рельеф в районе старого центра (близ Нижнего пруда, у здания «Облсовпрофа»). <...> С запада в пруд впадает река Голубая. Она представляет собой канал, созданный в XVII веке для водоснабжения города»⁴⁶. Привычное определение «старый» заменяло слово «немецкий», Кёнигсберг и рудеральная растительность в советском городе не упоминались, из библиографии были удалены все ссылки на иностранные издания⁴⁷. Ответ цензуры на вопрос «Что я могу знать о прошлом города?» был весьма красноречив. Главным фактором, определяющим особенности городских ландшафтов (и рельефа, и архитектуры), назывались «пожары и войны,

⁴⁵ ГАКО. Ф. 232. Оп. 6. Д. 45. Л. 57.

⁴⁶ Ваулина В.Д., Козлович И.И. 1970. 127, 131.

⁴⁷ Между тем цензура пропустила в других статьях сборника ссылки на немецкие статьи и книги, в том числе изданные в Кёнигсберге. Возможно, часть ссылок на литературу по истории Кёнигсберга принадлежала коллегам калининградских географов из прибалтийских республик.

эпохи бурного расцвета и упадка»⁴⁸. Впрочем, подвергшееся цензуре изложение обстоятельств формирования ландшафта в немецкий период все равно не сопровождалось должным освещением «грандиозной роли советских людей». Географам тоже пришлось овладеть разнovidностью эзопова языка в ходе противостояния официальному дискурсу о прошлом.

Особую область легального знания о Восточной Пруссии составляла история кантовской философии. В апреле 1974 г. на базе КГУ состоялась конференция, посвященная творчеству Иммануила Канта. В ней участвовали ведущие советские философы из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и других городов СССР. Участники конференции познакомились с городом, в котором провел почти всю жизнь великий философ, возложили цветы к его могиле. Важным коммеморативным актом стало открытие в университете кабинета-музея И. Канта⁴⁹ — он сразу стал центром хранения информации об истории Кёнигсбергского университета и достижениях его профессоров.

Этот кабинет-музей, которым заведовала О.Ф.Крупина, хранил портреты Гердера, Гельмгольца, Бесселя, Гамана и других ученых, книги советских кантоведов, другие экспонаты. Подробное описание кабинета было дано в очерке о Канте, выпущенном в Ленинграде⁵⁰. Публикация начиналась словами, задававшими совершенно новый, непривычный для калининградцев стиль разговора о Кёнигсберге: «22 апреля 1724 г. в одном из небольших домов Кенигсберга, скрытых в зелени и цветах весенних садов, в семье шорника Иоганна Канта родился четвертый по счету ребенок. <...> К середине XVIII столетия Кенигсберг сравнялся с такими центрами культуры, как

⁴⁸ Ваулина В.Д., Козлович И.И. 1970. 136.

⁴⁹ *Летопись Калининградской области*. 2005. 460.

⁵⁰ Гринишин Д.М., Михайлов М.М., Прокопьев В.П. 1976. 5.

Лейпциг, Дрезден, Гамбург»⁵¹. Небольшая книга, в которой не было и сотни страниц, содержала изображения здания Кёнигсбергского университета, последнего дома Канта на фоне городской застройки, могилы Канта в Калининграде. Несмотря на объективную ограниченность аудитории книги, сама возможность разговора о «хорошем Кёнигсберге» уже обозначала серьезные трещины в официальном дискурсе⁵².

Третья профессиональная группа – заинтересованные педагоги, прежде всего школьные учителя. Численность этой группы пока не удастся оценить с какой-либо точностью. Всякое обращение к довоенной проблематике в системе историко-краеведческого воспитания было затруднительным и в силу господства советского дискурса, и в силу кадровой специфики организаторов музейной и поисковой работы. Редкие примеры включения немецкого материала в экспозиции школьных музеев свидетельствуют о том, что подобная идеологическая «неразборчивость» моментально вызывала негативную реакцию со стороны ответственных лиц.

Несмотря на то что Обллит систематически фиксировал в 1970-х гг. разнообразные нарушения требований, процесс надзора за идеологической безупречностью публикаций постепенно приобретал вялотекущий характер. В 1970 г. цензура сняла фотографию из верстки альбома «Калининград», подготовленного книжным издательством: там было изображено «сохранившееся типичное немецкое здание

⁵¹ Гринишин Д.М., Михайлов М.М., Прокопьев В.П. 1976. 16, 31.

⁵² К тому же ряду изданий принадлежала биография Канта в серии «Жизнь замечательных людей», выпущенная А.В. Гулыгой в 1977 г. Первая глава книги представляла собой очерк истории Кёнигсберга, и, конечно, она послужила источником сведений о прошлом города для заинтересованных читателей. См.: Гулыга А.В. 1977.

в готическом стиле»⁵³; других случаев в документах первой половины 1970-х гг. не зафиксировано. Похоже, в целом цензурный контроль позволил к 1970-м гг. организовать издательский процесс таким образом, чтобы минимизировать появление нежелательных тем и образов на страницах региональной прессы, в фотоальбомах и произведениях литературы. Однако тотального исчезновения «прусского духа» компетентным органам добиться все же не удалось. Редкие изображения немецких объектов все же проникали на страницы печати в семидесятых годах: графический силуэт церкви Луизы угадывался в одной газетной иллюстрации⁵⁴, фото двух башен в Светлогорске сопровождало материал о достоинствах курорта⁵⁵. Но, конечно, подобные изображения составляли исключения из общего правила.

Анализ публикаций в периодике этого периода показывает, что эволюция оценок происходила даже в рамках официального дискурса, последовательно утрачивавшего свою монотонность. Быстрее других областей эмансипировалось искусство (аналогичный

⁵³ ГАКО. Ф. 232. Оп. 6. Д. 46. Л. 6. Стоит ли говорить о том, что описанное здание построено в конце 1920-х гг. и, конечно, совсем не было готическим? В других советских публикациях этот стиль определялся как «ампир» (Дмитриев В. 1960. С. 57). Определение «готический», вероятно, ассоциируемое с «готами», следы раннего пребывания которых на этой земле были отвергнуты археологами, маркировало чуждый характер немецкого наследия.

⁵⁴ Калининградский комсомолец. 1977. 6 февраля. Также см.: Калининградская правда. 1980. 5 марта.

⁵⁵ Калининградский комсомолец. 1979. 5 марта. Качество газетных иллюстраций в 1970-е гг. было невысоким, однако можно разглядеть очертания немецких зданий на фотографии площади Победы в Калининграде (Калининградский комсомолец. 1970. 1 мая). В прессе периодически встречались также фотографии фортов, ворот, органного зала и др.

процесс наблюдался в годы Перестройки, когда именно явления литературы, театра, кинематографа создавали ощущение необратимости общественных перемен). Освоение немецкого наследия, осуществлявшееся в художественной форме, демонстрировало расширение границ возможного.

В 1970 г. в драматическом театре вновь был поставлен спектакль «Вилла Эдит» (авторы пьесы М. Баринов, З. Корогодский, режиссёр Г.А. Офенгейм), снискавший успех в конце 1950-х. В рецензиях отмечалось, что новая аудитория спектакля – это молодежь, уже коренные калининградцы. Постановка вызывала неоднозначные оценки, «некоторый скептицизм тех, кто сам завоевывал и поднимал город из руин: к чему дразнить воображение “Виллой Эдит”, таинственными катакомбами, янтарным комнатой и проч., когда в жизни города найдется немало других не менее ярких страниц?»⁵⁶ Такая реакция была объяснима: на сцене театра в Калининграде появились люди в немецкой форме («показать подлинного врага – это уже само по себе много», как отмечалось в газетной рецензии), сам сюжет (немецкие шпионы в советском городе разыскивали планы кёнигсбергских коммуникаций) вызвал двойственные чувства у жителей закрытого города. Иначе понимался уже и «коренными калининградцами» гуманистический посыл пьесы: немцы, которых еще недавно нельзя было даже упоминать, оказались людьми, со своими страхами и надеждами.

Еще ярче гуманистическая тональность проявилась в литературе. П.Я. Воробьев (1900 – 1975) опубликовал в 1971 г. повесть «Околоморье мое», посвященную первым калининградским переселенцам⁵⁷. Действие происходит в вымышленном совхозе «Околоморье» на территории бывшей Восточной Пруссии. Привычный контраст задается различиями в

⁵⁶ *Нерлин Ю.* 1970.

⁵⁷ *Воробьев П.Я.* 1971.

описаниях «мрачной», испепеленной пожарами Пруссии и обновляющегося «цветущего края» Околоморья. Однако автор придает нарративу отчетливо гуманистическое звучание. Одна из героинь, Агнесса Кирк, была батрачкой, потерявшей семью (муж погиб под бомбежками, а сына расстреляли эсесовцы). В одной из рецензий на книгу этот пафос был воспроизведен со всей точностью: «Советские люди обласкали и ободрили батрачку, помогли ей излечиться от острого радикулита, оформили документы для выезда на родину – в Данию. И бывшая немецкая батрачка проникается любовью и уважением к “этим страшным русским”. Образ Агнессы как бы окутан мягким светом»⁵⁸. Границы дозволенного в литературе о Янтарном крае заметно расширились: в упомянутом ранее романе Ф. Ведина «Город – будет!» советские жители не пересекались с немцами, последние исчезли как бы до прибытия переселенцев. В новом нарративе немецкое население уже присутствует, хотя оно и лишено пока субъектности, будучи представлено как объект или насилия со стороны внутренних и внешних врагов, или заботы со стороны «советских людей». Искомая субъектность будет придана немцам в творчестве писателя следующего поколения.

Юрий Иванов (1928 – 1994), возглавлявший в 1974 – 1988 гг. областную писательскую организацию, опубликовал в 1973 г. газетный вариант повести «В осажденном городе»⁵⁹, которая носила автобиографический характер. В одном из писем американскому художнику Гансу Райтенбаху в 1990 г. писатель признавался: «Ах, как я ненавидел всех немцев, когда пришёл в пылающий Кенигсберг! И как я полюбил немецкую девчушку, с которой познакомился в Кенигсберге осенью сорок пятого года <...>. Вот так порой странно и сложно складываются человеческие

⁵⁸ Колпаков А. 1971.

⁵⁹ Иванов Ю. 1973.

судьбы... Человек не может жить лишь одним чувством ненависти и мести»⁶⁰.

В повести упоминаются многие объектов довоенного Кёнигсберга и Инстербурга (сегодня Черняховск), в том числе улицы, кирхи, памятники. Авторское отношение к Кёнигсбергу проскальзывает в описаниях городской среды: «Красивые, чистенькие особняки»; «Деревья, высаженные вдоль дороги; разнообразной архитектуры дома, ухоженные садики с вечнозелеными посадками туи и магнолией». Цензурные ограничения, сыгравшие свою зловещую роль в статье о ландшафтах Калининграда, оказались неактуальны для художественного текста. «Они стояли на маленькой, уютной, окруженной старыми каштанами площади. От нее, как щупальцы морской змеи, отходили пять улиц, а с краю возвышалось разрушенное здание кирхи. <...> Красивый, резной из дерева, алтарь; бронзовые подсвечники, укрепленные на стенах, и большой деревянный крест, к которому был прибит деревянный же Иисус Христос».

Отношение к городу и к живущим в нем людям у лирического героя повести претерпевает эволюцию: от удовлетворенности видом горящих домов («во имя справедливости и возмездия пускай пылает этот дом», размышляет разведчик, вспоминая трагедию Ленинграда) до сочувствия к раненой немецкой девушке, которую отвезли в госпиталь, временно разместившийся в церкви королевы Луизы в занятом нашими войсками городе. Герой спешит к девушке: «Подставив лицо встречному ветру и ловя губами снежинки, Валера нетерпеливо глядел, как среди голых вершин деревьев будто вырастает шпиль церкви, глядел на него, торопил машину и, забыв в этот момент обо

⁶⁰ Иванов Ю.Н. 2007.

всем на свете, жаждал лишь одного: увидеть Ингу, увидеть живой и невредимой...»⁶¹

Есть основания полагать также, что эмансипация субъекта поэтического творчества, освоившегося с «готическим» компонентом городской среды, разворачивалась сперва на периферии – в малых городах Калининградской области, где цензура действовала менее решительно⁶². Через поэзию с патриотическими мотивами стало возможным и знакомить читателей с немецкой топонимикой. Илья Жернаков передает в поэме «Это Родина моя...» разговор деда и внука перед поездкой к месту героического сражения времени Великой Отечественной войны:

— Теперь в Гумбинен.
— Значит, в Гусев.
— И все ты знаешь, хоть и млад...
— Но называешь ты, дедуся,
все города на прусский лад...
— Гумбинен мне поныне снится,
а почему, узнаешь сам...⁶³

Механизмы формирования интереса к немецкому прошлому выглядели, по-видимому, так. Первый импульс исходил из архитектурной и ландшафтной среды, пробуждавшей естественное любопытство. «Среда обитания, вне всякого сомнения, – полагал Юрий Иванов, – действует на творчество – и это совершенно нормально – местных художников, архитекторов, да и просто на жизнь нормальных людей»⁶⁴. Любопытство порождало устойчивый интерес,

⁶¹ Иванов Ю.Н. 1973.

⁶² См. об этом: Дементьев И.О. 2012.

⁶³ Жернаков И.Д. 1984. 33. Во время путешествия героев по области читатель получал возможность познакомиться и с другими довоенными топонимами.

⁶⁴ Иванов Ю. 1988. 8.

который затем закреплялся визуализацией и в конце концов конвертировался в повседневную практику. Катализатором этого процесса становилась «сладость запретного плода».

Одна из свидетельниц градостроительства 1970-х, Н.И. Чепинога, описывает свои чувства следующим образом: «Когда я приехала в Калининград (в 1976 г. – *И.Д.*), у меня была группа людей, с которой я сдружилась, которые безумно полюбили Калининград. Мы находили старые книги по застройке Кенигсберга, фотографии, на которых мы рассматривали каждое здание. Упивались тем, что было. Интересный декор и ансамбли, и потом Калининград какой-то странный. С одной стороны была в нем какая-то нежность, с другой – что-то чуждое. Все смешивалось и было понятно, что старая культура и новая культура как бы столкнулись. Мы любили этот город и хотели его сделать как можно лучше»⁶⁵.

Параллельно утверждению альтернативного дискурса о прошлом в публичных формах также происходило множество действий на уровне повседневной жизни. Это фотографирование и копирование старых изображений, коллекционирование предметов быта, чтение в библиотеках книг по истории, в которых интересующимся приходилось по крупицам воссоздавать картину довоенного прошлого (не стоит напоминать, что это были послевоенные советские издания при крайне скромных библиотечных фондах дореволюционной литературы⁶⁶). Разнообразие действий коммеморативного характера, форму которых принимали первые ростки массового протеста против официального дискурса, было особенно заметно

⁶⁵ Podehl M. 2010. 472.

⁶⁶ Хотя и из этого правила были исключения – читателям областной и университетской библиотек был доступен дореволюционный «Энциклопедический словарь», издававшийся Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном.

сторонним наблюдателям. Побывавшая в закрытом для иностранцев Калининграде в конце 1970-х Рут Мария Вагнер обратила внимание на то, что на могиле Канта лежали цветы: «Молодые калининградцы, большей частью студенты, приносят их почти ежедневно сюда»⁶⁷. Коммеморация в форме постоянного и анонимного возложения цветов на могилу отражала и складывание особой культурной памяти, и ненасильственный характер протеста против официального дискурса.

Несмотря на то что обычно период с конца 1960-х до начала 1980-х гг. в истории Калининградской области недооценивается современными исследователями, он сыграл важнейшую роль в формировании региональной идентичности калининградцев. Именно в это время официальному дискурсу о прошлом этой земли противостоят альтернативные стратегии освоения историко-культурного наследия, публично заявляется необходимость переоценки довоенного прошлого. Эти стратегии апробируются первоначально в среде научной и творческой интеллигенции, их дополняет множество повседневных практик рядовых калининградцев: официальный дискурс в позднесоветский период окончательно обнаружил свою несостоятельность в обеспечении тотального идеологического контроля над умами советских граждан.

Далеко не самые благоприятные обстоятельства брежневского времени во многом определяли поведение людей в закрытой области. Однако архитектурная и природная среда, своеобразная мифология, личностные особенности обусловили личностный выбор разных людей. Они собирали довоенные фотографии, сочиняли стихи о черепичных крышах, задавали наивные вопросы редакциям газет, писали научные статьи о ландшафтах, пытались понять кантовскую философию — и их поведенческие стратегии фактически обеспечили синергетический эффект,

⁶⁷ *Wagner R.M.* 1989. 217.

благодаря которому в 1987 – 1990 гг. реализовался массовый интерес к довоенной истории края.

Третий период в формировании альтернативного дискурса о прошлом выпадает на вторую половину 1980-х гг., своеобразные «короткие восьмидесятые». Именно в годы Перестройки стала возможной институционализация альтернативных советской системе групп граждан («неформалов»), которая ознаменовала переход к новому этапу в истории страны.

Идеологическая политика властей в перестроечный период приобрела несколько лихорадочный характер. С одной стороны, происходила легализация религиозных организаций. В 1985 г. была зарегистрирована православная община, которая получила в свое распоряжение нуждавшуюся в реставрации Юдиттенскую кирху (теперь Свято-Никольский храм). С другой – местные власти не были готовы к восприятию нового вектора советской религиозной политики и пытались даже вступить в союз с представителями интеллигенции в целях противодействия религиозной пропаганде. Писатель Юрий Иванов передавал в газетной статье (1987 г.) разговор с первым секретарем горкома партии по поводу домика лесничего Вобстера. В доме, который предположительно обнаружили энтузиасты в конце проспекта Победы в областном центре, в свое время отдыхал великий Кант. Тут же возникла инициатива сохранить память о философе. Секретарь горкома сказал, что «городу нужен активно работающий антирелигиозный центр. И это тем более важно, что в пригороде, где находится так называемый домик Вобстера, строится церковь»⁶⁸, именно в этом домике партийный руководитель предложил организовать такой центр. «Давайте же не будем ломать, – призывал Юрий Иванов читателей комсомольской многотиражки, –

⁶⁸ *Иванов Ю.* 1987. 3.

давайте будем везде побольше восстанавливать, реставрировать памятников истории и культуры, ибо без культурного, все усиливающегося, расширяющегося строительства не может расти, углубляться культура всех нас, всего нашего народа, развиваться наша экономика, все наше будущее»⁶⁹. Оба проекта воплощения не получили, оставшись памятником своеобразным идеологическим метаниям стагнирующей позднесоветской власти.

На примере средств массовой информации и популярной литературы заметна нарастающая интенсивность процесса реабилитации немецкого наследия. Стадия визуализации предполагала широкое распространение образов старого города. По мнению Ю.И. Забуги, официальный запрет на изображение немецких зданий в калининградской прессе существовал вплоть до 1988 г. (именно в этом году ему довелось, преодолевая сопротивление противников «чужого», защищать в Ленинграде дипломный проект по восстановлению Кафедрального собора и застройки на острове Кнайпхоф)⁷⁰. По крайней мере в 1985 г. некоторые изображения немецких зданий уже были доступны для выборочной публикации. В богато иллюстрированной книге о памятниках Калининградской области наряду с традиционным набором советских монументов присутствовали и здания довоенной постройки: памятник в Прейсиш-Эйлау (1856 г.), памятник Ф. Шиллеру, музей янтаря, Бранденбургские ворота и т.д.⁷¹ В сентябре 1985 г. в газете «Калининградский комсомолец» был опубликован материал о выставке книжной графики

⁶⁹ Иванов Ю. 1987. 3.

⁷⁰ См. интервью 2006 г.: *Podehl M.* 2010. 475.

⁷¹ Колганова Э.М., Строкин В.Н. 1985. Круг изображений не- сколько шире по сравнению с упоминавшимся ранее альбомом 1976 г.

молодого художника Владимира Коломийченко. На выставке были представлены гравюры – видовые открытки о Калининграде (четыре изображения представляли довоенные здания – органного зала, кукольного театра, университета и Дворца культуры моряков, еще одна – современное здание драмтеатра), а также рисунки, посвященные Канту (на одном из них профиль философа представал на фоне замка)⁷².

Перестройка создала условия для образования различных формальных и неформальных гражданских институтов, которые аккумулировали энергию социально активных калининградцев. К формальным (наряду с унаследованным от доперестроечного времени Калининградским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры) относилось Калининградское отделение Советского фонда культуры, созданное в 1987 г. Его председателем был избран писатель Ю.Н. Иванов. Планы фонда он описывал так: «Восстановление Кафедрального собора, где похоронен И. Кант, создание в летнем домике <...> музея И. Канта, сооружение ему памятника. Войдя в долю с кооператорами, создаем в старинных, т.н. «Королевских воротах», кафе-музей замечательного сказочника и “ночного” фантаста Эрнста Теодора Амадея Гофмана, который жил в Кенигсберге, и в Городской картинной галерее – зал интереснейшей художницы Кете Кольвиц»⁷³. «Немецкая»⁷⁴ программа фонда быстро нашла отклик в широких кругах калининградцев. Примечательно, что на первых порах эта деятельность обосновалась в типичном для ранней Перестройки духе возвращения к «ленинским идеалам»: «Еще на заре Советской власти В.И. Ленин подчеркивал, что условием повышения производительности труда

⁷² Кириллов В. 1985.

⁷³ Иванов Ю.Н. 2007. 40.

⁷⁴ Иванов Ю.Н. 2007. 49.

является образовательный и культурный подъем населения. Это значит, нам сегодня необходимо громадное повышение культуры. Иначе не будет движения экономики вперед»⁷⁵.

Источниковая база пока не позволяет восстановить всю картину конкуренции дискурсов в конце 1980-х гг. По данным обкома ВЛКСМ, на ноябрь 1988 г. неформальные (самодетельные) объединения молодежи насчитывали в общей сложности около 3 тыс. человек (из них около двух тысяч – в областном центре), сгруппированных по девятнадцати направлениям⁷⁶. Помимо металлистов и рокеров это были культурно-экологическая ассоциация «Возрождение» (изучение и пропаганда истории), объединение молодых художников «Время и мы», неформальное объединение «Романтики» (школьники, студенты, учащиеся ПТУ) «по изучению истории Калининградской области», действовавшее при кабинете-музее Канта.

В атмосфере Перестройки типичной формой трансляции достижений неформалов стал самиздат. На обложке альманаха «Кафедральный собор», растиражированного в 1989 г. при помощи компьютера, соседствовали два легко узнаваемых изображения – Дом Советов (строившийся поблизости от места снесенного замка) и руина Кафедрального собора. Альманах содержал «Краткую историческую справку по Восточной Пруссии» и сокращенный перевод материала немецкого археолога В. Гэрте «Древняя история Восточной Пруссии». Историю края редакция вела от 60 г., когда в Пруссии побывали римляне; завершалась хроника текстом, маркировавшим радикальный разрыв с советской практикой умолчаний: «Начало 1946 – весна 1948 гг. Выселение 40 000 человек немецкой национальности (по данным ФРГ только 25 тыс.) с территории города и области. К апрелю 1945 года на

⁷⁵ Иванов Ю. 1988.

⁷⁶ Документ цитируется по: Ржевский В. 2006. 113-120.

территории нынешней Калининградской области находилось 116 тысяч человек гражданского немецкого населения. Судьба 76 (91?) тысяч немцев неизвестна, очевидно значительная часть из них погибла от голода»⁷⁷.

Интересный кейс для изучения эволюции альтернативного дискурса представляет собой самая влиятельная неформальная группа – общество «Солидарность», возникшее в 1988 г. Общество включало представителей разных социальных групп (рабочие, пенсионеры, учащаяся молодежь) и вело типичную для неформального объединения перестроечного времени деятельность – организовывало дискуссии, митинги, манифестации, а также распространяло листовки и выпускало ротاپринтную газету «Вестник Солидарности».

Публикации «Вестника» подтверждают справедливость мнения Б. Хоппе: «Чувство, что Москва оставила Калининград один на один с проблемами, нашло свое отражение в идентификации новых жителей Калининграда с городом: оставшиеся с немецких времен строения рассматривались ими теперь как достойные быть сохраненными приметы региональной особенности»⁷⁸. Сравнение Калининградской области с Восточной Пруссией в публикациях «Вестника» воспроизводило образ «потерянного рая», столь типичный для ностальгического дискурса бывших жителей этой земли, переживших депортацию: «Сравните Калининградскую область и Восточную Пруссию. В городе живы еще ветераны, которые помнят неразграбленную и неразрушенную прусскую деревню»⁷⁹. В газете неформалов публиковались статьи, в которых опровергались стереотипы в восприятии

⁷⁷ *Краткая историческая справка по Восточной Пруссии*. 1989. Страницы в издании не пронумерованы.

⁷⁸ Хоппе Б. 2005б. 85.

⁷⁹ *Сибулконец (?) С*. 1989.

Восточной Пруссии как «гнезда милитаризма», воспроизводились изображения памятников довоенной архитектуры. В программе общества (1990 г.) выдвигались требования охраны наследия: «Государство обязано принять меры по охране культурного достояния народа: прекратить массовое уничтожение памятников истории и архитектуры, вернуть городам, улицам, площадям их исторические названия, обеспечить приемлемое качество реставрационных работ...»⁸⁰

Реакция властей на неформальные движения была, как везде в стране, настороженной. Первый секретарь Калининградского обкома КПСС Д.В. Романин на собрании актива областной парторганизации в 1989 г. говорил о том, что «особого внимания партийных организаций требует к себе получившее широкое развитие самостоятельное движение. В нем заложен немалый созидательный потенциал»⁸¹. Среди тем, объединявших неформалов для реализации их «созидательного потенциала», выделялось, в частности, изучение и сохранение культурно-исторического наследия. Впрочем, также констатировалось, что движения «пытаются спекулировать на реальных трудностях перестроечных процессов», но это не отменяло задачи налаживать с неформалами диалог.

Однако процесс присвоения символического пространства путями, альтернативными официальному дискурсу, шел уже на уровне не только неформальных сообществ, но и целых социальных групп: прежде всего интеллигенции и молодежи («третье поколение калининградцев»). Это хорошо прослеживается по материалам дискуссий, разворачивавшихся на страницах региональной прессы в конце 1980-х гг. Газеты рассказывали об инициативах «неформалов» по охране наследия, и практически во всех письмах читателей эти

⁸⁰ *Программа общества. 1990.*

⁸¹ *Первые секретари. 1947–1991. 2002. 109.*

усилия получали горячую поддержку. На фоне общего энтузиазма редкими были критические отклики, авторы которых обращали внимание на нежелательность перекоса. Одна читательница, например, сожалела о заброшенных могилах солдат Великой Отечественной войны в городе: «Люди о немецких памятниках, кирхах, воротах помнят, борются за каждый камень, а о таких вот заброшенных обелисках на могилах наших солдат, погибших, между прочим, защищая от фашистов и ту же немецкую культуру, выходит, забыли? Что же происходит с нами, с памятью нашей?»⁸² Так изменился дискурс о прошлом: немецкая культура оказалась признана достойной защиты со стороны всех советских людей — и солдат, и обычных граждан.

Предметом обсуждения на страницах комсомольской газеты стал еще один материал — фрагменты из «Открытого письма в метрополию», имевшего «хождение в городе» и принадлежавшего художнику Вадиму Храппе. Автор обращал внимание на то, что основные предметы гордости горожан — это объекты немецкой культуры, которые не вписываются в «официальную историю», ведущую начало с 1946 г. В. Храппа постулировал появление нового исторического субъекта, «воображаемого сообщества»: «Но ведь есть мы! Мы — потомки переселенцев, родившиеся под черепичными крышами, делавшие первые шаги под готическими сводами, облазившие в детстве все окрестные подвалы еще не разрушенных фортов и замков. Мы — хранящие как реликвии исчезнувшей цивилизации ее посуду, довоенные фото романтических кварталов. <...> Нам доставалось за найденный в нашей парте чугунный герб Кенигсберга, за нацарапанную на вагонном стекле трамвая готическую букву “К” с

⁸² Калининградский комсомолец. 1988. 16 апреля.

короной. Но ведь мы есть! И нашу память не ампутировать и не запретить»⁸³.

Письмо В. Храппы – это первое публичное заявление о том, что культурная память калининградцев опирается на исторический опыт, накопленный на территории проживания, наряду с опытом предков из разных регионов страны. В газету пришло много откликов: наряду с ортодоксальными оценками («бред человека, страдающего манией величия») звучали и робкие голоса поддержки («До каких же пор можно молчать?», «Историю нашего края мало кто знает»). Процесс эмансипации субъекта, однако, остановить уже не представлялось возможным.

Альтернативный дискурс о прошлом Калининградской области приобрел особый радикализм в тезисе об особом историческом субъекте, складывающемся на этой территории. Статья председателя Восточнопрусского клуба А. Селизарова, опубликованная в бюллетене «*Prūsas Tāutas Prēigara*» в 1990 г., называлась «Новый этнос на старых корнях?..» Здесь дискурс о прошлом плавно перетекал в дискурс о настоящем. Автор констатировал наличие «духовного вакуума», в котором калининградцы оказались вследствие того, что «предыдущая “запрещенная культура” (любые попытки сохранить которую беспощадно карались) вымерла окончательно, а своя, новая, не прижилась на этой почве, т.к. не имела под собой никаких корней». Однако, к счастью, по мнению автора, «монумент точки отсчета истории в 1945 года дал трещины и стал постепенно разваливаться. Тогда сквозь него стало видно то, что было варварски уничтожено, но вместе со стыдом и болью об утраченном возникли и первые проблески надежды на его возрождение. <...> И я верю, что недалеко то время, когда Канта и Гофмана,

⁸³ Храппа В. 1988. Письмо было также опубликовано в 1989 г. в ФРГ (цитируется П. Бродерзен: *Brodersen P.* 2008. 241).

Донелайтиса и Видунаса будут называть открыто и гордо – своими великими земляками, а себя — их духовными наследниками. <...> И придет то время, когда веточка нового этноса, привитого к старым и мощным корням, зацветет на этой многострадальной земле и даст свои прекрасные плоды. И будут новые пруссы на возрожденной земле»⁸⁴.

Воображаемое сообщество «новых пруссов» обозначило границу диапазона возможных решений проблемы региональной идентичности. Этот диапазон охватывал разные способы самоидентификации: от проектируемой властью общности «советского народа», почти лишенного этнического своеобразия⁸⁵, до вырастающего на уровне *grassroots* сообщества «новых пруссов», ощущающих себя наследниками многокультурного культурного наследия этой земли. В сущности, оба способа самоидентификации противостояли актуализации традиционной этнокультурной идентичности («русских», «белорусов» или «литовцев», живших в области). Но если первый к концу Перестройки ощущался как анахронизм, то второму предстояло впоследствии проверить свою жизнеспособность в конкуренции с традиционными «национальными» дискурсами⁸⁶.

Советский период подходил к своему финалу, и вместе с ним заканчивалась история официозного дискурса, табуировавшего тему довоенного прошлого. Перестройка стала катализатором процесса

⁸⁴ Селизаров А. 1990. С. 2. Бюллетень выпускался в Литве.

⁸⁵ Ср.: «Новая историческая общность, которую до недавнего времени принято было называть “советским народом”, именно на калининградской земле обрела наиболее законченные формы» (Костяшов Ю.В. 2009. С. 145).

⁸⁶ Этот сюжет выходит за рамки темы статьи. Подчеркну только, что дискурс о «новых пруссах» сыграл несомненную роль в радикализации процесса реабилитации довоенного наследия на рубеже 1980 – 1990-х гг.

переосмысления исторического опыта калининградцев. Стефан Бергер выделяет два повлиявших на это фактора. Он, как и Б. Хоппе, связывает враждебность диссидентов советскому режиму с уважением к немецкому культурному наследию – эти чувства объединяли участников неформального «Прусского клуба»; кроме того, для молодого поколения, заявившего о себе в 1980-х, поиск воображаемого немецкого города был стратегией бегства от «повседневности скучного советского города»⁸⁷. Действительно, усилившийся политический протест, сопряженный с повышающимися эстетическими запросами к городской среде, неизбежно фокусировался на проблематике амбивалентной культурной памяти жителей бывшей Восточной Пруссии.

Перестройка как политический проект была результатом усилий советского руководства, однако Перестройка как общественный дискурс состоялась в первую очередь благодаря многим энтузиастам, которые в течение 1970 – 1980-х гг. пытались (зачастую полулегально) реализовать свои интересы в сфере изучения и охраны историко-культурного наследия. Они использовали при этом различные возможности, предоставляемые властью. Однако именно их действия в период Перестройки утверждали общий пафос защиты памятников, реабилитации незаслуженно забытых

⁸⁷ *Berger S.* 2010. S. 24. С. Бергер указывает, что «Восточно-пруссский клуб» возник в начале 1970-х, О. Сезнева датирует появление этого клуба, который формировал «несанкционированную альтернативу официальному историческому дискурсу», даже 1970-ми гг. (*Sezneva O.* 2005. Р. 198). По мнению А.П. Бахтина, речь все же идет о краеведческом клубе, возникшем в конце 1980-х гг. В ГАКО хранится устав Восточно-пруссского клуба, новая редакция которого была датирована 1990 г. Заявленная в нем цель клуба звучала довольно дерзко: «Возрождение прусской культуры и сложившихся на ее основе других интегральных культур Восточной Пруссии».

соотечественников, возвращения к национальным корням, возрождения православия, налаживания равноправного межкультурного диалога. В этом общесоюзном процессе Калининградская область играла свою роль: ее специфика заключалась в том, что наряду с реабилитацией *национального* прошлого, дискредитированного советской идеологией, разворачивалась реабилитация *регионального* прошлого. И этот процесс, в котором участвовали тысячи людей, приобрел необратимый характер.

Вопрос Иммануила Канта «Что я могу знать?» в свете советского опыта осмысления прошлого Янтарного края приобрел особое звучание. Через постепенную проверку границ возможностей (что я *могу* знать?), выпавшую на конец 1940-х – конец 1960-х гг., чутко воспринимавшие историю своей земли калининградцы добились переноса акцента на границы знания (что я *могу знать*?) в 1970 – 1980-х гг. И хотя область познанного до сих пор еще остается недостаточно большой, сама возможность знания о прошлом своей земли, как и право людей на это знание никем уже не оспаривается.

Список сокращений

ГАКО -- Государственный архив Калининградской области
КГПИ – Калининградский государственный педагогический институт
КГУ – Калининградский государственный университет

Литература

Аринштейн Л.М. 2008: Петух в аквариуме. Новеллы и воспоминания. М.
Ассман Я. 2004: Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.
Ваулина В.Д., Козлович И.И. 1970: К ландшафтной характеристике города Калининграда // Вопросы географии /

КГУ; Калинингр. отделение Географического общества СССР. Калининград, С. 120-142.

Ведин Ф.И. 1953: Город — будет! Рига.

Воробьев П.Я. 1971: Околоморье мое. Калининград.

Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. 2002: *Ю.В. Костяшов* (рук. авт. колл.). СПб.

Гринишин Д.М., Михайлов М.М., Прокопьев В.П. 1976. Иммануил Кант. Краткий очерк жизни и научной деятельности. Л.

Гулыга А.В. 1977: Кант. М.

Дементьев И.О. 2012: «Рябинка у бойницы»: реабилитация довоенного прошлого в памяти калининградцев (1970—1980-е гг.) // [Erdvių pasisavinimas Rytu Prūsijoje XX amžiuje](#). Acta Historica Universitatis Klaipėdensis / V. Safronovas (ed.). 24. Klaipėda, 92-118.

Дементьев И.О. 2013: «Золотая жила» янтарного края: образы Восточной Пруссии и Калининградской области в период господства социалистического реализма // Балтийские исследования. 7. Калининград, 63-93.

Дмитриев В. 1960: Дело о янтарной комнате: очерк. Калининград.

Жернаков И.Д. 1984: Это Родина моя... Калининградская поэма. Калининград.

Иванов Ю. 1973: В осажденном городе // Калининградский комсомолец. 114-127, 129, 131-132, 135, 137, 139, 141-153.

Иванов Ю. 1987: Сундук Канта // Калининградский комсомолец. 25 января.

Иванов Ю. 1988: «Мы многое можем»: интервью // Калининградский комсомолец. 16 января.

Иванов Ю.Н. 2006: Танцы в крематории. Десять эпизодов кенигсбергской жизни. Калининград.

Иванов Ю.Н. 2007: Письма калининградского писателя и руководителя отделения Российского фонда культуры Ю.Н. Иванова за 1988 — 1993 гг. // Калининградские архивы: матер. и исслед. 7. Калининград.

Кириллов В. 1985: Свой взгляд на мир // Калининградский комсомолец. 1 сентября.

Клемешева М.А. 2000: О судьбе Королевского замка (из документов Облгосархива) // Калининградские архивы: матер. и исслед.: науч. сб. 2. Калининград.

Колганова Э.М., Строкин В.Н. 1985: Страницы памяти. Калининград.

Колтаков А. 1971: «Околоморье мое». Рецензия // Калининградский комсомолец. 6 окт.

Костяшов Ю.В. 2009: Секретная история Калининградской области. Калининград.

Краткая историческая справка по Восточной Пруссии. 1989: Кафедральный собор. 1. Калининград.

Лавринович К.К. 1989: Фридрих Вильгельм Бессель. М.

Лавринович К.К. 1999: В память об Алексее Николаевиче Хованском // Князь Алексей Николаевич Хованский. Воспоминания / Т.А. Кокарева (сост.). М.

Летопись Калининградской области. 2005: В.Н. Маслов (науч. ред.). 1. Калининград.

Минакова Р. 1970: Пусть творчество приносит радость // Калининградский комсомолец. 15 ноября.

Митина Е.С. 2011: Послевоенное строительство в Калининградской области по воспоминаниям архитектора Л.В. Черкасовой // Калининградские архивы: матер. и исслед. 9. Калининград, 181-192.

Нерлин Ю. 1970: Вчера и сегодня одной истории // Калининградский комсомолец. 1970. 17 мая.

Односельчане: народная повесть. 2006: Л.В. Сыроватко (ред.) Калининград.

Первые секретари. 1947 – 1991. 2002: Документы и материалы о деятельности партийных руководителей Калининградской области и Калининграда в 1947 – 1991 гг. Калининград.

Программа общества. 1990: Вестник «Солидарности». №43.

Пророкова С. 1967: Кэте Кольвиц. М.

Ржевский В. 2006: Калининградская Пруссия. Штрихи к портрету. Калининград.

Самсонова А. 1970: Единственный титул благородства // Калининградский комсомолец. 1970. 26 июня.

Селизаров А. 1990: Новый этнос на старых корнях?.. // Prūsas Tautos Prėigara. №3. 1-2.

Сибулконец (?) С. 1989: Наше будущее в наших руках? // Вестник «Солидарности». №25.

Сухова С. 1990: Бой после победы // Калининградский комсомолец. 7 апреля.

С чем связаны память и жизнь: О памятниках и памятных местах Калининградской области: 1976. Калининград.

Xonne B. 2005a: Кёнигсберг / Калининград в XX в. — фокус современной европейской истории // Балтийский регион в истории России и Европы / В.И. Гальцов (ред.). Калининград, 190–200.

Xonne B. 2005b: «Злой город» или часть собственной истории? Об отношении к немецкой архитектуре в Калининграде после 1945 г. // Кёнигсберг — Калининград: город, история / В.Н. Маслов (ред.). Калининград, 82–91.

Хранный В. 1988: Мы — народ // Калининградский комсомолец. 23 апреля. С. 4, 9.

Berger S. 2010: Kaliningrader Identitäten nach dem Ende des Kalten Krieges: einige einleitende Bemerkungen // Kaliningrad in Europa. Nachbarschaftliche Perspektiven nach dem Ende des Kalten Krieges / S. Berger (Hrsg.). Wiesbaden.

Bridges D.K. 2008: In Moscow's Image? Creating Soviet State and Society in Kaliningrad Province, 1945 – 1970: Diss. University of Virginia.

Brodersen P. 2008: Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen.

Hoppe B. 2000: Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946 – 1970. München.

Podehl M. 2010: Architektura Kaliningrada. 1917–1991. Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde / Diss. ETH Zürich.

Sakson A. 2011: Od Kłajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury. Poznań.

Sériot P. Analyse du discours politique soviétique. 1985: Paris.

Sezneva O. 2005: Tenacious Place, Contingent Homeland: Making History and Community in the Repopulated City of Kaliningrad: Diss. (Ph.D). New York, 2005.

Wagner R.M. 1989: Königsberg heute // Königsberg in alten und neuen Reisebeschreibungen. Düsseldorf.